

— Юстокс, Трауготт теперь в твоих руках.

С этими словами мама доверила меня дяде, я чувствовал себя униженным и оскорбленным и хотел как можно скорее уехать домой. Я почувствовал облегчение, когда смог сделать это после семейного собрания. Хотя среди дворян было дурным тоном уходить с должности члена свиты герцогской четы, меня раздражали нотации, которые я из-за этого на протяжении нескольких дней получал.

Мой дед предвзято относится к госпоже Розмайн только потому, что она его единственная внучка, не так ли?

Хорошо известно, что мой дед, господин Бонифаций, любит свою единственную внучку, госпожу Розмайн, больше остальных внуков. Но я думаю, что он слишком сильно любит ее, и это повлияло на его суждения.

— Как ты смеешь презирать Розмайн? Это неприемлемо! Независимо от того, насколько ты глуп, ты должен понимать, насколько её статус выше!

Несмотря на то, что говорил дедушка, госпожа Розмайн была наименее чистокровной из всех кандидатов в аубы, и это очевидный факт, который нельзя изменить. Ей было далеко до господина Вильфрида или госпожи Шарлотты, родных детей ауба. По правде говоря, даже некоторые высшие дворяне имеют происхождение лучше.

Я и госпожа Розмайн внуки одного деда. Если же смотреть по материнской линии, то госпожа Розмайн — дворянка Лейзеганга, а я член побочной линии семьи ауба. Моё происхождение всё же более благородно, чем ее. Нет никаких причин думать, что она выше меня.

Причиной недовольства послужило не только это. Дед был в ярости от того, что я хотел войти в свиту госпожи Розмайн только ради изучения метода сжатия магической силы. А ещё больше он возмущался тому, что я не подчинился указаниям госпожи Розмайн во время диттера. Дед кричал, что мой брак с Ангеликой должен быть аннулирован.

Но была ли необходимость так злиться?

Бабушка Рихарда говорила: «Неважно, по какой причине ты стал последователем, если ты хорошо служишь своему господину, проблем не будет». Так что это не важно, что моей причиной было желание изучить метод сжатия. Если бы не это желание, я бы стал рыцарем господина Вильфрида. Мне пришлось защищать госпожу, которая теряет сознание при малейшем прикосновении снежка. Честно говоря, меня не радует такая хлопотная работа. Более того, большинство светских мероприятий для дворянок — это чаепития, работа эскорта на которых заключается в том, чтобы стоять в стороне. Это попросту скучно. Гораздо веселее быть рыцарем кандидата в аубы того же пола, вместе ходить на охоту и играть в гевиннен с господином.

Чтобы научиться методу сжатия, я служил худшей из господ и рабски трудился до сих пор...

При вмешательстве госпожи Розмайн в диттер было очевидно, что она моя госпожа, и тогда мое отношение, возможно, действительно было несколько неуважительным, но я не мог сдерживать свой гнев. Что может знать о диттере маленький ребенок, который падает в обморок, когда в него попадает снежок? Я был так зол от того, что нам запретили атаковать во время диттера.

Кроме того, брачный контракт с Ангеликой был лишь решением моего деда, хотевшего, чтобы его любимая ученица вышла замуж за члена его семьи. Дело было не в том, что я хотел жениться на ней... Ангелика сильна как рыцарь, но она все еще всего лишь средняя дворянка, которая плохо учится и не подходит для посещения светских мероприятий. Так что я никогда не считал, что она годится мне в жены. Возможно, это беспокоит Ангелику, которая вот-вот закончит школу, и ее родственников, но даже если помолвка будет расторгнута, это особо не побеспокоит меня.

Мой дед, принадлежавший к семье ауба, был в ярости, а мои родители очень критиковали меня, но я был доволен тем, как все сложилось. Наконец-то я был свободен. Хотя Хартмут пугал меня до смерти, к счастью, госпожа Розмайн дала мне то, чего я хотел. Не знаю, назвать ли ее добросердечной или просто наивной. Она обещала научить меня методу сжатия магической силы, который я всегда хотел знать, и попросила меня уйти в отставку, а не уволила. Она даже помогла остановить мою бабушку, которая была в ярости, и не причинила особого вреда моей благородной репутации.

Что бы ни говорили моя ворчливая бабушка и родители, я уже уволился и больше не являюсь её последователем.

Мне больше не нужно звать своей госпожой маленькую девочку, которая настолько слаба, что ей приходится носить магические инструменты, чтобы ходить, и настолько юна внешне, что над ней смеются другие дворяне. Мне больше не нужно сотрудничать с этой тиранической девчонкой, которая постоянно доставляет неприятности. Она каждый день ходила в библиотеку, не обращая внимания на то, как сильно эти походы нагружали рыцарей сопровождения и то, что госпоже Соланж приходилось каждый день иметь дело с кандидатом в аубы, хотя она могла просто приказать слугам принести ей книги.

Я действительно почувствовал, что «принял плохое решение», когда меня ругали на семейном собрании. Но я имел в виду службу госпоже Розмайн, а не свою отставку.

Теперь я свободен...

Нет, это не истинная свобода. Ведь до конца зимы мой дядя Юстокс будет сопровождать меня в дворянской академии в качестве слуги. Он был назначен моими родственниками, чтобы присматривать за мной.

— Несмотря на приказ семьи, я все еще тысячу раз не желаю быть слугой такого

некомпетентного племянника.

Я был взбешен, услышав, что он назвал меня некомпетентным. Однажды я узнал, что мой дядя не смог состоять в свите госпожи Георгины, потому что был слишком поглощен собственными интересами и не мог хорошо служить, так что по приказу бывшего ауба его отправили служить господину Фердинанду, которым пренебрегала госпожа Вероника.

Но, учитывая недавнее восклицание моей бабушки «позвольте мне стать слугой Трауготта и полностью перевоспитать его!», я был рад, что именно дядя был приставлен ко мне, хоть он и не очень компетентен. По крайней мере, господин Фердинанд не отстранил его от должности, а это означало, что у него все еще есть какие-то базовые навыки слуги.

Пока я приходил к такому выводу, господин Карстед достал письмо и протянул его моему дяде.

— Я получил согласие господина Фердинанда, он сказал, что так будет лучше, и что он готов вас одолжить.

Прочитав письмо-согласие, дядя кивнул головой, а затем без предисловий ответил:

— Понятно. Тогда пойдемте.

Похоже, что дядя очень послушен приказам своего хозяина. Тогда ему не составит труда стать моим слугой. Я думаю, что это довольно хорошо.

— Мама, пожалуйста, иди и останься с отцом. Его здоровье снова ухудшается, не так ли?

— Трауготт, ты сам виноват во всех своих неприятностях. Когда ты попадешь в дворянскую академию, ты должен хорошенько подумать о том, в каком ты положении, ты понимаешь?

Под пристальным взглядом матери я вошел в круг перемещения вместе с дядей. Когда я вернусь в академию, это будет мое личное дело. Вот о чём я действительно думал в этот момент.

— Тогда я пойду в общий зал.

— О чем ты говоришь? Иди сюда.

Сразу после возвращения в академию я планировал пройти в зал и подождать, пока будут закончены приготовления в моей комнате, но дядя схватил меня за воротник и потащил в комнату. Он же не собирается читать мне нотации? Я напрягся, но дядя указал на груды деревянных ящиков, которые принесли в комнату, и сказал:

— Поторопись и разбери вещи.

— О? Я должен собирать вещи? Разве это не твоя работа как слуги?

— Если ты быстро не соберешь вещи, я не смогу помочь тебе одеться и выполнить свою работу. Так что поторопись.

Это было необъяснимо. Разве распаковка вещей не входила в обязанности моего дяди?

— Юстокс, ты...

— Зови меня дядя. Я здесь как твой слуга не потому, что подписал с тобой договор хозяина и слуги, а только из-за того, что такое решение было принято на семейном собрании, и мой господин с ним согласился. Помни, ты мне не господин.

— Что, что ты сказал?..

Мы и правда не подписывали договор хозяина и слуги, но раз он в качестве слуги пришел со мной в дворянскую академию, его господином должен был стать я. Я вообще ничего не понимаю.

— Мой хозяин, господин Фердинанд, поручил мне собирать информацию в дворянской академии, следить за тем, что происходит внутри академии, а также обучать гражданских служащих. Быть твоим слугой — наименее важная из этих задач, поэтому я буду делать это, когда у меня будет время. Сейчас я занят, не беспокой меня.

После того, как мой дядя закончил говорить, он начал распаковывать свой багаж вместо моего.

— Что?! Но после прихода в дворянскую академию, твой господин — только я...

— Когда и где бы я ни был, я всегда буду подчиняться только господину Фердинанду. Ты забыл, что принимаешь наказание, назначенное семьёй? Ты действительно наивен. Но каким бы некомпетентным ты ни был, ты должен понимать такую простую истину. Как же с тобой хлопотно.

Мой дядя действительно распаковал только свой собственный багаж, а затем сел за мой стол и занялся просмотром информации. Он мог помочь мне с моими вещами хотя бы после того, как закончил со своими...

— Дядя, раз уж ты закончил распаковывать свой багаж, вот мой...

— Это всего лишь небольшой багаж, разве ты ещё не закончил? Я собираюсь сделать обход общежития, так что займись чем-нибудь хотя бы до моего возвращения.

Дядя посмотрел на меня полным презрения взглядом, собрал свои бумаги и вышел из комнаты. В этот момент я понял, что дядя действительно не собирается помогать мне распаковывать вещи. Студентам разрешалось приводить в дворянскую академию только одного слугу, и теперь, поскольку мне назначили дядю, я больше не мог жить своей обычной жизнью как дворянин.

Это наказание, которое назначили мне?

Я стиснул зубы и принялся за работу. Прошло совсем немного времени до того, как вернулся мой дядя.

— Ты всё ещё распаковываешь вещи?

Он оглядел комнату и снова сел за мой стол, чтобы писать. Он выглядел совсем как государственный служащий.

Я не знаю, что он делал, но это в любом случае неприлично.

Если подумать, я почти ничего не знаю о своем дяде. Я помню только, как мои мама и бабушка с недоумением говорили: «Юстокс очень любит находить бесполезную информацию...» Но я не часто встречался с ним лично.

— Хм? Ордоннанц?

Увидев влетевшую в комнату белую птицу, я протянул руку, чтобы она остановилась. Однако ордоннанц перепрыгнул через меня и приземлился перед моим дядей:

— Господин Юстокс, это Корнелиус, я только что вернулся в дворянскую академию. Госпожа Розмайн также скоро прибудет.

Ордоннанц повторил это три раза, а затем снова превратился в желтый магический камень. Дядя ответил:

— Понял, мы подойдем и поприветствуем вас.

Затем он положил ручку.

— Мы должны отправиться приветствовать госпожу Розмайн. Ты так и не распаковал вещи?

Действительно ли ты сын моей сестры?.. Хотя, в конце концов, каков отец, таков и сын.

— Что ты сказал, дядя?!..

— Я сказал тебе поторопиться и привести себя в порядок.

Закончив говорить, дядя начал распаковывать оставшиеся сумки. Видя, как он сделал это за пару минут, я жалел, что Юстокс не помог мне раньше. Я был рыцарем-учеником, не получившим образования слуги, и мой дядя требовал от меня слишком многого.

— Трауготт, пойдем.

— Куда?..

— Ты вообще никого не слушаешь. Разве я только что не сказал, что госпожа Розмайн возвращается в академию и я хочу поприветствовать её?

Дядя посмотрел на меня с презрением, и я не мог не рассердиться.

— Почему мой слуга должен идти и здороваться?

— У меня есть работа, о которой меня попросил господин Фердинанд. Кроме того, ты должен извиниться перед госпожой Розмайн. Ты не понимаешь, что натворил даже после того, как тебя так сильно отругали на семейном собрании, верно?

«Я не думаю, что что-то, что я сделал, настолько серьезно...» — думал я про себя, но я промолчал, опасаясь, что если скажу это вслух и мой дядя об этом доложит, то придется созывать еще одно собрание после окончания занятий в дворянской академии. Я думаю, что лучше было бы извиниться перед госпожой Розмайн, чтобы избежать нотаций.

— Мы давно не виделись, юная леди Розмайн

Мой дядя начал говорить, прежде чем я успел открыть рот. Я был уверен, она удивлена тому, что к ней подошёл мой слуга, не будучи представленным. Однако вместо этого госпожа Розмайн с улыбкой приняла его приветствие.

— Я слышала много лестных слов о тебе от компании «Плантён». Благодаря твоей работе они пережили два года моего сна без особых проблем. Юстокс, я очень признательна тебе и надеюсь, что ты и дальше продолжишь нас поддерживать.

Благодаря моему дяде?..

Я был удивлен, узнав, что мой дядя был знаком с госпожой Розмайн, хотя даже я редко видел его и не знал, чем он занимается. Оглядываясь назад, это можно было предсказать по тому, что господин Фердинанд был опекуном госпожи Розмайн. Однако я не ожидал, что она будет так близко общаться с последователем своего опекуна.

Какую работу до сих пор выполнял мой дядя?..

Раньше, основываясь на жалобах бабушки и матери на него, я всегда считал его некомпетентным, разве это неправда?

— Ай!

Когда я погрузился в свои мысли, внезапная резкая боль пронзила мой бок. Мне потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что это мой дядя сильно ударил меня локтем в бок живота. Как бы мне ни хотелось крикнуть «Что ты делаешь?!», — мне было слишком больно, чтобы издать хоть звук. Мне потребовалось все мои силы, чтобы удержаться от слёз и не опозориться.

— Трауготт, разве тебе нечего сказать юной леди? Почему ты всё ещё мнёшься?

Устрашающий низкий голос и ледяной взгляд заставили меня затаить дыхание. Я чувствовал яростный гнев дяди и не смел сопротивляться, поэтому стиснул зубы и встал на колени перед госпожой Розмайн.

— Госпожа Розмайн, моё поверхностное мышление привело к тому, что я был очень груб с вами. Мне искренне жаль. Я прошу прощения от всего сердца.

«...Все в порядке, не так ли?» — подумал я про себя, но увидел, что глаза моего дяди стали еще холоднее. Он сказал госпоже Розмайн, что ей не стоит принимать мои извинения, а затем стал игнорировать меня. Обсуждая с госпожой Розмайн вопросы образования гражданских служащих, он вошел в общий зал. Я превратился в часть декора.

В зале все студенты собрались, чтобы приветствовать госпожу Розмайн. Так как я больше не являлся её последователем, я уже хотел уйти, но мой дядя снова ударил меня в живот туда же, куда уже бил.

— Оооох...

— Куда ты идешь? Ты не должен покидать меня, пока я не закончу разговор с госпожой. Пора бы тебе ясно осознать свою ситуацию.

Дядя говорил это тихо, чтобы никто другой не мог его услышать. На половине фразы раздался голос госпожи Розмайн. Но звала она не меня, а моего дядю.

— У нас нет зрителя общедоступного, на которого можно было бы положиться. Поэтому не мог бы ты дать мне совет как слуга господина Фердинанда, а не как слуга Трауготта.

«Служащий Фердинанда»? Не слуга?

В отличие от меня они оба, казалось, четко понимали, что это значит. Затем он начал расспрашивать окружающих его студентов о текущей ситуации, а затем стал давать четкие указания одно за другим. У меня отпала челюсть, когда я увидел, что мой дядя вовсе не такой некомпетентный, каким я его считал.

Пока я осмысливал это, дядя сказал, что завтра он будет не со мной.

— Сегодня я буду сопровождать госпожу Розмайн на чаепитие с королевской семьей. В это время мама будет вместо меня. Мне нужно сделать приготовления, так что можешь идти в зал.

— Ох... хорошо...

Они уже все решили, и чтобы я ни сказал, ничего не изменится. Я кивнул головой. Моя бабушка явно будет поучать меня гораздо больше, чем дядя, ставящий работу на первое место, но я был уверен, что она хорошо справится с ролью слуги. Я выдохнул с некоторым облегчением.

Итак, я направился в зал общения, так как пришло время решить, как мы будем действовать в состязании герцогств. Хотя говорилось, что это обсуждение будет сосредоточено на последователях господина Вильфрида, на самом деле именно слова Корнелиуса и Леоноры в вопросах диттера имели большой вес.

В то время, когда госпожа Розмайн была в герцогстве, у нас было еще одно сражение в диттер с Дункельфельгером, которое закончилось полным провалом. Поэтому все обратили внимание на указания, данные госпожой Розмайн во время первого сражения, а также на рыцарей сопровождения, которые продемонстрировали свои навыки в то время. С помощью собранной Леонорой информации о типичном поведении зверей и качествах наших рыцарей-учеников, был заново сформирован план сражения, при этом неоднократно подчеркивалась важность командной работы. Во время диттера мне несколько раз говорили: «Перестань мешать команде», так что я чувствовал себя довольно униженно. Даже когда я стал утверждать, что в скоростном диттере атакующая мощь важнее командной работы, все только возмутились: «Неужели вы не понимаете, насколько важна командная работа?» Это первый раз, когда меня игнорировали до такой степени.

— О?.. Кто это?

В этот момент в функциональную комнату неожиданно вошла незнакомая женщина. Она была немного толще моей матери, но выглядела очень похоже. Я сразу понял, кто она. Это был мой дядя.

...Дядя, что ты делаешь?

Только что он сказал, что собирается готовиться к чаепитию, но кто бы мог подумать, что он нарядится женщиной! Я посмотрел в сторону бабушки, у которой явно должен был быть способ остановить дядю, и увидел, что она скривила лицо от отвращения, но похоже она не собиралась это останавливать.

Бабушка уже знала об этом?!

Я открыл рот, чувствуя себя так, будто меня предали. В этот момент мой дядя подошел к госпоже Розмайн и опустился на колени. Госпожа Розмайн выглядела удивленной, очевидно, она впервые увидела его в таком наряде.

Госпожа Розмайн, пожалуйста. Пожалуйста, отругайте моего дядю и скажите ему, чтобы он немедленно переоделся!

Однако моя печальная молитва не была услышана — госпожа Розмайн повернула голову и спросила:

— Ты можешь изменять свой голос... Юстокс?

Это действительно нормально?! Она собирается ходить с ним повсюду?!

Я не понимаю, как у госпожи Розмайн хватает терпения, чтобы так легко смириться с этим и принять как должное. Хартмут даже сказал с задумчивым выражением лица:

— Я тоже должен овладеть этим навыком?

...Как гражданскому служащему могут понадобиться такие навыки!

Студенты в общежитии сочувственно смотрели на меня, когда мой дядя использовал имя моей матери в качестве псевдонима. Он остался глух ко всем моим возмущениям. Если это было мое наказание от семьи, то оно было слишком жестоким.

— Бабушка, это мое наказание? — спросил я у бабушки, когда вернулся в свою комнату после того, как увидел, что дядя ушел.

— Да. Так, что ты должен страдать молча, — это твое наказание. На самом деле, я предложила отправить вас в храм, но юная леди возразила. Затем юный господин Фердинанд обратился ко мне, сказав, что хочет отправить Юстокса в дворянскую академию и просит моей помощи.

Я вздрогнул, услышав, что отставка с поста последователя настолько серьезна, что может лишить меня статуса дворянина. Я не думал, что все так серьезно.

— Я бы не хотела, чтобы Юстокс в таком обличье был рядом с моей госпожой. Но поскольку это была просьба господина Сильвестра и юного господина Фердинанда, и госпожа Розмайн согласилась, я ничего не могла с этим поделать. Это наказание и для меня, так что я вынуждена терпеть эту ситуацию.

— Наказание для бабушки?..

— Потому что именно я рекомендовала тебя в свиту госпожи.

Бабушка ссутулила плечи и покачала головой. Я вспомнил разговор, который состоялся с моей бабушкой в то время. Госпожа Розмайн все еще спала в Юреве, а господин Вильфрид спросил меня, не хочу ли я стать его рыцарем сопровождения.

— Трауготт, будешь ли ты рыцарем господина Вильфрида или дождешься пробуждения госпожи Розмайн?

— Я буду ждать, моя бабушка. Поскольку я хочу научиться методу сжатия магической силы, я надеюсь, что ты порекомендуешь меня в качестве рыцаря сопровождения госпоже Розмайн, когда она пробудится.

У меня не было другого выбора, кроме как сказать, что я хочу стать рыцарем госпожи Розмайн, потому что рыцари господина Вильфрида не смогли бы изучить метод сжатия магической силы. Как только Корнелиус и Ангелика начали сжимать свою магическую силу, она стала расти с умопомрачительной скоростью. Изначально они были не сильнее меня, но теперь я далеко позади. Это невыносимое унижение.

— Госпожа будет спать еще год или больше, и желающих так долго ждать не так много. Трауготт, пусть твоя цель — метод сжатия магической силы, но ты искренне готов служить ей, не так ли? Если это так, я порекомендую тебя.

Тогда я согласился со словами бабушки, но в душе добавил: «Я буду служить ей добросовестно, пока не научусь методу сжатия». Моя бабушка была слугой герцогской четы и всегда служила разным господам в зависимости от ситуации. Тогда я буду делать тоже самое. После достижения цели я могу просто сменить господина.

«Разве моя бабушка не служила разным людям? Почему меня так критикуют за отставку?» — подумал я про себя, но глядя на изможденную бабушку, я не мог больше задавать никаких вопросов, поэтому просто промолчал.

— Я должен быстро написать свой отчет... Трауготт, пройдем со мной в комнату.

Как только мой дядя, ушедший с госпожой Розмайн, вернулся в общежитие, он попросил меня присоединиться к нему в его комнате. Я все еще обсуждал вопрос о состязании герцогств, но я не успел сказать дяде об этом. Все уговаривали меня пойти в комнату, говоря: «Тебе лучше поторопиться и не отставать, верно?»

Из-за общественных мероприятий и предстоящего состязания герцогств у всех было бесчисленное множество дел, но дядя смог быстро и правильно распределить их, так что всего за два дня он заручился поддержкой студентов. Будучи студентом, я теперь подчинялся своему дяде в общежитии. Я сказал себе: «Это наказание», — и вернулся в свою комнату.

— Что я могу сделать для тебя, дядя?

Я неохотно окликнул дядю, который снимал головной убор. Он не оглянулся и кокетливо сказал:

— У меня мало времени, так что ты можешь помочь мне раздеться.

— Я сделаю это, но, пожалуйста, не одевайся так больше. И перестань говорить... женским голосом.

— Ты не имеешь права вмешиваться в мою работу. Мне нужно было переодеться женщиной, чтобы узнать, о чем королевская семья и Классенберг говорили с юной леди, но это оказалось полезнее, чем я думал. Господин Фердинанд будет очень доволен.

Он на самом деле предложил дяде переодеться в женщину... У господина Фердинанда что-то не так с головой?

Это определенно ненормально — сохранять такого последователя. Мой дядя спросил меня, есть ли у него еще украшения на голове, и я осмотрел его каштановые волосы, которые напоминали волосы моей матери.

— Опять же, хорошо, что у тебя есть полный комплект женской одежды для слуг.

— Я посмотрел на одежду моей матери и сестры и сшил ее, чтобы имитировать их внешний вид, но это не настоящая одежда слуги. У тебя, как я вижу, даже зрение не очень хорошее.

Хотя я не могу этого заметить, похоже, что детали отличаются. Дядя сказал, что пока издалека они выглядят похожими, все будет хорошо. Но из этого диалога я, похоже, узнал еще более поразительную правду.

— Когда ты говорил «сшить», ты имел в виду своими собственными... руками?

— Конечно. Это костюм для переодевания в женщину и он должен быть таким, чтобы я мог надеть его сам, так что у меня не было возможности рассчитывать на чью-то помощь.

Нет, подробности не важны. Прежде всего меня удивляет, что мой дядя умеет шить!

Сколько себя он посвятил женской одежде? От одной мысли об этом у меня разболелась голова. Дядя щелчком снял парик, затем развязал тонкий шнур на шее и снял украшения, прикрывающие пуговицы на груди.

— Я сделал это платье только очень похожим внешне, но я могу надевать и снимать его сам, а также прятать внутри много нужного... как ты видишь

— Пожалуйста, не задирай платье! Я не хочу этого видеть!

Затем я помог дяде развязать шнуры на платье и сложил вещи в ящик. Во время этой помощи моё мнение о себе как о рыцаре-ученике, казалось, давало трещину.

Однако, на удивление, все в общежитии отнеслись к женскому облику дяди с пониманием. Возможно, они решили не сталкиваться с этим, раз это не имеет к ним отношения. В то же время по общежитию распространился слух, что дядя очень пренебрежительно ко мне относится, так что люди смотрели на меня с некоторым сочувствием. В конце концов, слуга, который должен был заботиться о моей повседневной жизни, теперь делал все, что хотел, и не принимал от меня никаких приказов. В этом плане я, вероятно, был в худшем положении, чем низшие дворяне.

Однако, немного успокоившись и посмотрев на ситуацию в общежитии со стороны дяди, я понял, что центральными фигурами, отвечающими за студентов, были последователи госпожи Розмайн. В будущем доминирующей силой будет уже не господин Вильфрид, а госпожа Розмайн, верно?

И раньше одной из этих фигур был я...

Теперь я пожалел о том, что подал в отставку, и тогда мне пришла в голову хорошая идея, которая могла бы положить конец этой жалкой жизни. Я был наказан за то, что отказался от должности рыцаря сопровождения госпожи Розмайн. Тогда, если я хочу держать дядю подальше от себя, мне следует просто вернуться в свиту госпожи Розмайн. Это, несомненно, умиротворит гнев деда и семьи, и такому жестокому наказанию придет конец, верно?

Я вернулся в свою комнату и сказал дяде:

— Я решил искренне извиниться перед госпожой Розмайн и вернуться, чтобы стать ее рыцарем. Дядя несколько раз моргнул, а затем издал хриплый смешок.

— Госпожа уже давно списала тебя со счетов, какую чушь ты только что сказал... Это уже за гранью глупости.

— Что?! Но...

Госпожа Розмайн великодушна и наивна. Нужно просто притвориться, что пролил несколько слез, и вести себя задумчиво, и она наверняка простит меня, верно?

Хотя я не сказал этого вслух, дядя, казалось, все равно понял мои мысли. В следующий момент у меня в груди возникла резкая боль, и я несколько секунд не мог дышать. Когда я наконец смог выдохнуть, меня схватили за горло и повалили на землю.

— Ууу... ух...!

То, что я был прижат к земле и не мог дать отпор своему дяде, который даже не был рыцарем, разрушил мою самооценку как рыцаря-ученика.

— Госпожа Розмайн уже порвала с вами все связи. Я слышал, что она просила мать не рассматривать возможность отправить тебя в храм в качестве наказания, потому что она не хотела видеть тебя рядом и не хотела тратить на тебя свое время. В глазах госпожи ты даже менее ценен, чем сироты храма.

Как это возможно...

Когда я услышал, как бабушка сказала, что госпожа Розмайн была против отправки меня в храм, я подумал про себя: «Она действительно мягкосердечная». Но неужели я ошибся? Нет, этого не может быть.

Как раз перед тем, как я собирался потерять сознание, дядя немного ослабил хватку на моей шее, и я смог вздохнуть. Но он не убрал руку, все еще способную убить меня в одно мгновение, и ошеломленно посмотрел на меня сверху вниз.

— Тебя так сильно ругали на семейном собрании, а ты до сих пор ничего не понял? Ты сказал, что сам подаешь в отставку, но факт твоего увольнения хорошо известен. Матушка и господин Карстед сообщат об этом, и я уверен, что это дойдет до ушей герцога и его жены.

— Ну и что? Я хочу стать капитаном рыцарей, никому не служа, как мой дед. Госпожа Розмайн также поняла мои ожидания.

Выслушав мое заявление, дядя на мгновение мрачно посмотрел на меня, а затем уголки его рта дернулись в усмешке.

— Только кандидаты в аубы могут стать капитаном рыцарей, никому не служа. Ты лишь высший дворянин, и подобное тебе недоступно.

— Ты говоришь глупость... Госпожа Розмайн, она...

— Действительно ли юная леди сказала, что у тебя есть способ стать капитаном рыцарей? Разве она просто не подтвердила тебе, что поняла твои желания?

На мгновение мне показалось, что моя кровь застыла. Мой дядя был прав, госпожа Розмайн просто сказала: «Я понимаю твою позицию». Если подумать, мне кажется, она также сказала что-то вроде: «Тебе трудно будет стать капитаном рыцарей, не так ли?» В то время я интерпретировал это как то, что я недостаточно силен, но на самом деле она имела в виду мой статус?

— Твои шансы стать капитаном рыцарей были уничтожены твоими собственными действиями. Ты ничем не отличаешься от господина Вильфрида, который проник в Белую Башню. Поторопись и осознай, что твой грех — это невежество. У твоего отца нет никаких больших талантов, кроме как хвастаться тем, что он из побочной ветви рода аубов, и ты, очевидно, находишься под его влиянием. Но в глазах окружающих вы просто высшие дворяне. Поскольку нельзя допустить, чтобы ты всех опозорил, семья не позволит тебе отправиться в другие герцогства. Так что твоя судьба заключается в том, чтобы быть простым рыцарем в Эренфесте.

Слова моего дяди стерли мое представление о будущем, которое вот-вот сгинет во тьме. Я отчаянно боролся, пытаясь защитить свое будущее. Поскольку я не мог быть капитаном рыцарем без хозяина, мне нужно было просто найти кого-нибудь ещё, чтобы служить. Моя бабушка тоже меняла господ в зависимости от ситуации.

— Нет, ты не прав. У меня еще есть шанс стать капитаном рыцарей. Я просто буду служить кому-то другому как моя бабушка...

— Не смей меня.

Глаза дяди остекленели, и он надавил на руку, которая сжимала мою шею. Я чувствовал, что дядя действительно хочет меня убить, и затаил дыхание.

— Моя мать — представительница побочной ветви герцогской семьи, поклявшаяся в верности Эренфесту, и она никогда не выбирала господ по собственной воле. Она всегда служила по приказу ауба Эренфеста тем кандидатам в аубы, которым было нелегко найти последователей. Я не позволю тебе оскорблять ее образ жизни.

Я никогда не знал об этом... Нет, я слышал, но не понимал значения.

Я пытался говорить, но не мог издать ни звука и не мог дышать. Слезы навернулись мне на

глаза, и мой разум начал затуманиваться, но дядя не отпускал меня.

— Если ты и дальше будешь так глуп и не раскаешься, то в следующий раз я действительно отправлю тебя подниматься по высокой лестнице.

Мой дядя фыркнул, и когда он отпустил меня, мое сознание погрузилось в темноту.

<http://tl.rulate.ru/book/71458/1914418>